

Празднование 100-летия Московского Художественного театра началось утром в Камергерском переулке и закончилось к ночи капустниками на большой сцене.

В 10.30 утра был открыт памятник Антону Павловичу Чехову (скульптор М.Аникишин, архитектор М.Посохин и М.Фельдман).

Собравшиеся хорошо помнили завет писателя

о сестре таланта – краткости, и потому речи, прозвучавшие в этот торжественный и важный для Москвы день, были лаконичны и отличались сдержанным достоинством, отвечающим чеховскому духу.

Среди выступавших были мэр столицы Ю.Лужков, министр культуры РФ В. Егоров, художественный руководитель МХАТа имени А.Чехова О.Ефремов, писатель А.Солженицын и др.

тленную, ленивую... не верю даже когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России, там и сям – интеллигенты они или мужики, – в них сила, хотя их и мало". Вот эта его способность преодолеть даже самые устойчивые штампы нашей общественной мысли поражает и сегодня. И в этой полной своей свободе, "тайной свободе", внутреннем достоинстве Чехов перекликается для меня только с одним русским писателем – с Пушкиным. Один начал XIX век, второй его закончил, завершил и во многом прозрел то, что будет происходить в двадцатом столетии.

Наш век кончается. В истории театра он прошел под знаком Чехова. Не только в России, но и во всем мире. Это не значит, что мы уже поняли Чехова до конца или разгадали все его загадки. Напротив, чеховские драмы устроены так, что они открывают все новые и новые вопросы, обращенные к каждому новому поколению. В этом смысле Чехов не позади нас, а по-прежнему впереди, всегда впереди. Видеть жизнь такую, какая она есть, иметь мужество смотреть в лицо этой жизни и любым ее проблемам, подарить жизнь за то, что она нам дана, и суметь

хоть немного улучшить ее. Остаться внутренне свободным, выдавливать из себя раба – пусть и по капле, но выдавливать. Раба любого "изма", любой предвзятой мысли. Это очень трудно, но это надо делать. И пусть этот памятник Чехову, стоящий в начале Камергерского переулка, станет отныне каждый день напоминать нам об этом.

Речь Олега Ефремова
на открытии памятника
А.П. Чехову 26 октября, Москва,
Камергерский переулок

Может быть, доктор Чехов поставит нам правильный диагноз

Лит. газета. — 1998. — 28 окт. — с. 9

Сегодня у нас происходит как бы двойное открытие – обновленного Камергерского переулка и памятника Чехову. Мне кажется, что отныне это будет одно из самых человеческих, прекрасных мест нашей Москвы. Тех мест, где можно хоть ненадолго подумать о нашем прошлом, о том, что нас сформировало, чем мы духовно живы и что наследуем. В минувший век мы жили под разными знаками, знаменами, политическими символами и "измами". Так или иначе это определяло и жизнь Художественного театра, который начал свою биографию как "Дом Чехова". Этот дом неоднократно пытались перестроить, переименовать, изменить.

Сегодня – день, который я бы

назвал днем восстановления исторической справедливости. Антон Павлович Чехов навечно будет теперь смотреть на созданный им театр. В свою очередь Театру предложено трудное право ежедневно чувствовать на себе чеховский взгляд. Может быть, этот взгляд будет помогать нам жить или, если хотите, понимать то, что происходит с нами, по-чеховски. Я не собираюсь произносить сейчас, объяснять, что это значит – "понимать жизнь по-чеховски". Скажу лишь об одном существенном моменте.

Чехов пришел в русскую культуру тогда, когда сложилась ее учительская, проповедующая интонация. Он воспринимал себя и то, что он писал, в контексте Толстого и Достоевского, двух своих величайших современников. Он

нашел свой голос и заставил услышать себя не призывом, не страстной проповедью, не открытым учительством. Я бы сказал, что он от всего этого отказался, предложив всем нам иную и небывалую картину России. Такой России, какой она была в то время. Он рассмотрел самую толщу нашей жизни и самые глубинные срезы нашей души так, как это сделал бы умнейший врач, который должен прежде всего поставить правильный диагноз, а уж потом проповедовать и давать рецепты спасения. Он до смешного боялся всякого ярлыка, "изма", фирмы, закрывающей реального человека. За несколько лет до смерти он мог, например, написать такие строки: "Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспи-